

РЕЦЕНЗИИ

УДК 801.56

В.И. Шаховский

БОЛЬШОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. ЗНАЧЕНИЕ. УПОТРЕБЛЕНИЕ. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ / ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР В.Н. ТЕЛИЯ. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 С.

Волгоградский государственный университет

В мире существует много фразеологических словарей. Но новое время, современные научные парадигмы, построенные на уточненных знаниях о языке, изменившиеся условия и разнообразные виды коммуникации выдвигают перед лексикографами задачу построения словаря нового типа.

Профессор В.Д. Девкин в своей книге «Немецкая лексикография» [1] совершенно неожиданно для лингвистической и лексикографической общественности предложил огромный список языковых словарей, которых еще нет, но которые могли бы появиться как обобщение разнообразных аспектов речевой практики современного человека. Упомянул он и задачу разработки лингвокультурологических словарей.

Впервые в мировой практике такой словарь был издан в Великобритании (LD LC) и произвел настоящий фурор как среди лексикографов, так и среди лингвокультурологов. К моменту выхода словаря Лонгмана в лингвокультурологической парадигме отечественного языкознания после выхода в свет фундаментального труда Ю.С. Степанова [2] о константах русской культуры родилось и развилось обширное исследовательское направление – концептология. Написаны тысячи статей, диссертаций и монографий, которые на обширном фактическом материале разносистемных языков полностью подтвердили гипотезу В. Гумбольдта, У. Вайнриха, И. Вайсгербера о единстве языка и культуры, об их взаимодействии, о том, что язык, с одной стороны, является таксоном культуры, а с другой стороны, культура инкорпорирована во все единицы языка в форме родного духа.

Лингвокультурология как раздел теоретического языкознания доказала факт наличия культурного компонента в коммуникативной компетенции *Homo loquens* и вывела тезис о сложности перевода различных видов культурных лакун при кросскультурной коммуникации, в том числе и письменной (научающей, художественной, естественной) [3].

Уже более никем не оспаривается положение о том, что язык отражает культуру и транслирует ее

из одной языковой среды в другую, о том, что язык осуществляет лингвокультурологическую связь поколений и что сам язык является таксоном культуры. Язык и культура являются двумя семиотическими кодами, системами. Обучение одному коду без обучения другому не позволяет сформировать полноценной коммуникативной личности ни во внутриязыковом, ни в межъязыковом общении: наличие только одной языковой компетенции для последнего явно недостаточно. Именно это новое знание ориентирует лингводидактов на написание современных учебников по иностранному языку, а лексикографов – на создание словарей нового, лингвокультурологического типа.

Упомянутый выше словарь Лонгмана является лексическим словарем, в котором впервые приведен культурологический комментарий на английском языке. На материале русского языка в учебные издания для иностранцев культурологические комментарии были введены Е.М. Верещагиным, В.Г. Костомаровым [4]. Для научающей коммуникации и переводоведения такие словари чрезвычайно важны: они дают возможность, наряду со страноведческими словарями, обучать говорящих на том или ином языке, достигать коммуникативного успеха, избегать коммуникативных помех и провалов. Эти словари носят предписывающий характер, благодаря чему выполняют компенсирующую функцию в межкультурной коммуникации.

Однако следует сказать, среди фразеологических словарей во всей предыдущей лексикографической практике не было до настоящего времени такого, который являлся бы лингвокультурологическим. Рецензируемый словарь не имеет аналогов в мировой лексикографической практике, так как в толковании 1 500 фразеологизмов впервые описывается ситуация, в которой употребляется фразеологизм, даются стилистические пометы и цитаты из текстов всех жанров письменной речи, в том числе – из Интернета, указываются функциональные особенности фразеологизмов. В нем впервые показаны образно-

смысловые «гнезда» фразеологизмов в одной, общей для них словарной статье. Фразеологизмы описываются как знаки «языка» культуры, которая связана с языком и взаимодействует с ним, отражая особенности русского менталитета.

Словарь выполнен большим авторским коллективом по проекту, разработанному человеком, который со своих юных лет глубоко интересуется фразеологией. Интерес В.Н. Телия к данной области науки был рожден и развивался под влиянием идей ее первого учителя В.Л. Архангельского. Замысел рецензируемого словаря вызревал у В.Н. Телия в течение 15 лет, обсуждался многократно на ее фразеологических семинарах, на двух международных симпозиумах, конференции «Фразеология в контексте культуры». Как отмечается в Предисловии к «Большому фразеологическому словарю русского языка...», данный словарь возник не как Афродита из морской пены, он является результатом и продолжением многолетней кропотливой работы В.Н. Телия, сплотившей вокруг себя разные творческие коллективы для разработки серии подготовительных фразеологических и образных словарей [5; 6].

Рецензируемый словарь начинается с Предисловия и завершается Послесловием, написанными автором данного оригинального и интереснейшего проекта. В Предисловии рассматриваются основные теоретические проблемы фразеологии: принципы ее классификации и категоризации, различие между идиомами и фразеологизмами, облигаторные характеристики и параметры фразеологизмов (образность, воспроизводимость, культурная мотивированность), этапы развития фразеологии как науки (долингвокультурологический этап, врата за которым закрылись в 80-х гг. XX в., и современный этап лингвокультурологической фразеологии и фразеографии). Здесь же автор рассказывает о формате словаря, о его структуре, о его предписываемом назначении, объясняет принципы отбора фразеологизмов. Главным из этих принципов является отраженность во фразеологических единицах вещных или исторических реалий, всегда наличие образности, отображающей мировидение народа – носителя языка, запечатленной во внутренней форме или в форме содержания.

Как убедительно показано и в Предисловии, и в словарных статьях, отобранных для данного словаря фразеологизмов, все они обладают культурной памятью, транслируемой от поколения к поколению и таким образом сохраняющей корни родства русскоязычного общества.

В Послесловии к «Большому словарю...» В.Н. Телия подробно останавливается на методологическом положении, согласно которому язык и культурнообразная кодовая система – два кода между предметными областями, между которыми нет прямой корреляции. Здесь же акцентируется вни-

мание на общеизвестном факте, касающемся отсутствия универсального определения понятия культура, и предлагается собственное, выработанное авторским коллективом определение: «Культура – это результат восприятия мироздания как лона собственного человеческого бытия, творимого человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта – трудовых практик, знаний, социальных отношений, религий и фантазий» (с. 776).

Новым и необычным является предложенное в «Большом словаре» измерение культурной ценности, отраженной в русском фразеологизме: насколько «достойно/недостойно» отношение человека к природе, к себе самому как личности, к социальному окружению, а также к мистически-духовно воспринимаемым первоначалам бытия всего сущего» (с. 776). В Послесловии объясняются авторские предпочтения в зависимости от идентификации личности с тем или иным социумом.

По замыслу авторов словаря (и этот замысел успешно осуществлен) каждый фразеологизм, включенный в него, не только сам культурно ориентирован, но и культурно ориентирует пользователей этого словаря, что достигается с помощью объяснительного культурологического комментария, который и составляет абсолютную новизну, уникальность рецензируемого «Большого словаря русского языка...».

Например, в словарной статье фразеологизм «Божий дар с яичницей» (с. 40–41) сопровождается указанием на архетипическую оппозицию «высокое – низкое», имеющую помету «сакральное – профанное». В комментарии указывается также, что фразеологический компонент **божий дар** соотносится с религиозным кодом русской культуры и символизирует все исходящее от Бога. На этом основании авторы словаря устанавливают в культурном коде наличие компонента **яичница** как оппозиит высокому, духовному, ценному, соотносимому с Богом.

Далее авторы в культурном комментарии сравнивают фразеологизм «Божий дар с яичницей» (указание на нечто несовместимое друг с другом сакрально и семантически, выступающее в форме оксюморона) со сходными по выявляемому образу фольклорными выражениями: *Смешал богородицу с бубликами; Начал духом, а кончил брюхом; По церковному запел, да на плясовую свел*. Комментарий завершается выводом о том, что фразеологизм «Божий дар с яичницей» является эталоном, то есть мерой несопоставимости разных по своей сути вещей.

На мой взгляд, в этом культурном комментарии полностью раскодировано все содержание фразеологизма: предметное, образное, оценочное, экспрессивное, стилистическое, эмотивное, символическое (сакральное). Другими словами, раскрыта его семиотика и сфера употребления, вскрыт его архетип. Такая прозрачность содержания культурного кода

данного фразеологизма «вытягивается» авторами словаря на поверхность благодаря проведению глубокого семиотического и лингвокультурологического анализа. Аналогичным методом распредемяется культурный код всех фразеологических единиц, включенных в рецензируемый словарь.

Послесловие представляет собой самостоятельную научную работу, посвященную проблеме соотношения двух кодовых систем – языковой и культурной и обобщенному представлению современных научных знаний об их семиотике.

При всем расхождении определений понятия «культура» современная наука уже не отрицает того, что культура является продуктом многовековой, многослойной деятельности, беспрестанно развивающейся и меняющей свою конфигурацию в зависимости от изменяющихся форм осознания человеком мира, которая облигаторно инкорпорирована во все языковые знаки, в том числе фразеологически.

В Послесловии обозначены виды культуры, параметры культурной языковой личности и способы ее идентификации с конкретным социумом. Выделена основная функция культуры – быть ориентиром человека говорящего в выборе его морально-нравственных установок: хорошо – плохо, достойно – недостойно, одобряю – не одобряю и т.п. Показан процесс и результат формирования концептосферы культуры русскоговорящего социума и отдельного коммуниканта. В Послесловии также отмечается, что человек живет в широком контексте культуры: социальном и своем собственном.

В статье представлено три критерия отбора фразеологизмов для данного словаря: первый – 16 тематических и идеографических полей; второй – архитипичность культурных слоев; третий – включенность в ФЕ многообразия кодов культуры. Из такого теоретического экскурса читателю словаря становится, наконец, понятно, что такое культурный код языка как объект лингвокультурологии и его вербализация (фразеологизация как ее предмет). Можно сказать, что публикация данного словаря успешно приближает к завершению дискуссии об объекте, предмете, методологии и методах лингвокультурологии. И в этом тоже – одна из заслуг его составителей, прежде всего В.Н. Телия как автора этого сложного проекта.

Главное в замысле данного словаря – интерпретация давно уже выделенной библиотеки русских фразеологизмов в контексте русскоязычной культуры, многопараметричность ФЕ как микротекстов, разворачивающихся в культурогенные тексты с помощью информации, приведенной в статьях к каждому фразеологизму.

Среди этой информации самой существенной является информация о культурных смыслах и культурной функции ФЕ. Вызывает некоторый дис-

комфорт на фоне всего вышеотмеченного самими составителями словаря, с которым мы полностью согласны, утверждение В.Н. Телия о «двуликости» лексикографического портрета ФЕ (с. 779). В.Н. Телия в Предисловии, Послесловии и в своей статье «О феномене воспроизводимости языковых выражений» [7, с. 4–43] отмечает многомерность и многоаспектность фразеологизмов, что явно не согласуется с фразой об их двуликости: необходимо говорить о многоликости фразеологизмов, которая является их онтологическим свойством.

Вызывает уважение отношение В.Н. Телия ко всем ее коллегам, разрабатывавшим ранее другие лексикографические форматы ФЕ, послужившие прообразами (прототипами) рецензируемого словаря: В.Н. Телия включает их в соавторы данного издания.

Особо отметим следующие нововведения, характерные для данного словаря: указана уместность и неуместность ФЕ в различных социальных контекстах посредством системы новых помет: *реч. стандарт, неформ., фам., грубо-фам., книжн., прост.*; указан принцип деления на высказывания о третьем лице, собеседнике и самом себе, что изменяет (варьирует) эмоционально-оценочные смыслы ФЕ; введены показатели грамматической валентности ФЕ; культурологический комментарий, реконструирующий культурные образы ФЕ; вскрыта взаимосвязь между образным основанием и значением фразеологизма.

В словаре определена та роль, которую ФЕ выполняют в концептосфере культуры как ее знаксимволы, как эталон или стереотип. Словарь утверждает воспроизводимость ФЕ и его культурологическую родословную. ФЕ здесь выступает как носитель культурной памяти русского народа и русского духа его языка.

Послесловие завершается списком наиболее значимых исследований в области фразеологии, культурологии и эпистемологии, которые послужили методологической базой для теоретической концепции словаря.

Структура словаря трехчастна и включает в себя четыре зоны и семь подзон, которые в свою очередь членятся на другие подразделы, но в целом покрывают толкование ФЕ, иллюстративный материал и его культурологический комментарий. В качестве примера рассмотрим статью фразеологизма «Мышиный жеребчик».

МЫШИНЫЙ ЖЕРЕБЧИК (с. 391) **кто** (тем самым указывается на субъект ФЕ. – *В.Ш.*). Молодой пожилой мужчина, старик, увлекающийся ухаживанием за женщинами (особенно молодыми) (значение ФЕ. – *В.Ш.*). *Имеется в виду*, что лицо мужского пола (X) активно интересуется женщинами, проявляет много внимания по отношению к ним,

несмотря на уже далеко не молодой возраст и физическое бессилие (толкование, авторская расшифровка значения ФЕ. – В.Ш.). *Говорится* с неодобрением, с иронией или с презрением. Грубо-фам. (функционально-стилистическая маркировка. – В.Ш.).

Не употреб. по отношению к 1-му лицу (рестрикция сферы употребления. – В.Ш.).

В роли именной части сказ., подлежа., доп. или обособл., члена предлож.

Порядок слов-компонентов фиксиров. (грамматическая функция. – В.Ш.).

Далее в статье приводятся семь иллюстраций, авторами которых являются Ю. Герман, В. Платов, В. Вересаев, а также авторы статей из современной периодики.

Он давно не юноша. Но он не из тех мышинных жеребчиков, которые молодятся, зачесывают волосы сбоку или сзади на лысину, гонятся в моде за молодежью, нет. Он выдерживает удары судьбы и возраста с достоинством (Парламентская газета, 2001).

Из этого примера трудно не понять смысла использованного фразеологизма, чего, к сожалению, нельзя сказать из других примеров, приведенных в иллюстративной зоне. Например: – *А ты его видела? – Нет, но хотела бы познакомиться. – Не советую. Будешь разочарована. Он – мышинный жеребчик, и этим все сказано (Реч.).*

Несколько удивительно, что среди источников иллюстративной зоны нет примера из «Мертвых душ» Гоголя, который, по замечанию составителей словаря, ввел это выражение в обиход русской речевой культуры. Продуцентом этого фразеологизма, по мнению автора словаря, является народная речь. В следующей зоне словарной статьи приводится подробная культурологическая информация об истории формирования данного образа и закрепления за данной ФЕ описания социальных, физиологических, экономических и нравственных факторов, вызывающих осуждение общества; приведены языковые параллели из английского языка как указание на смысловую универсальность ФЕ.

Такова схема (структура) зон словарных статей «Большого фразеологического словаря». В заключение еще раз подчеркнем уникальность и замысла, и реализации рецензируемого лексикографического формата:

– разработана четкая структура словарной статьи и ее помет, которая выдерживается на протяжении всего словаря;

– выделены зоны вокабул, в которых учтены аспектуальные, семантические и валентностные различия выделяемых единиц; в грамматической зоне указывается на изменяемость/неизменяемость морфологической формы, на синтаксическую роль ФЕ, порядок слов (фиксированный/нефиксированный);

– некоторые ФЕ сопровождаются указаниями на пресуппозиции, если без этого семантизировать фразеологизм невозможно, а также на пропозиции и типовые реалии и их актаны, объясняющие семантику ФЕ;

– зона вокабулы завершается свернутой пропозицией, указующей на частеречную отнесенность ФЕ и ее вариативность;

– в словаре впервые приводятся иллюкутивные (одобр./неодобр.) пометы;

– помечены речевой стандарт и условия использования ФЕ;

– зона иллюстрации включает издания 50-х гг. XX в., в том числе «речения»;

– композиционная структура культурологического комментария строго продумана, унифицирован синтаксис подачи толкования стилистических тропов;

– в сложных случаях этимологии и представления прототипических образов используется перекрестный комментарий для максимальной экспликации образно-смыслового содержания ФЕ;

– впервые предложен и внесен в словарную статью вершинный модус культурной коннотации (достойно/недостойно личности, моральное, нравственное мироосознание), семантизация образа, характерная для представителей данного языкового коллектива.

ФЕ восполняют номинативно-функциональный запас языка, и тем самым единицы лексикона обогатили тезаурус языковой личности.

Информации в словаре так много, она такая всеобъемлющая, что поражает любое воображение трудоёмкостью проделанной работы. В связи с этим представляется исчерпывающим высказывание известного лексикографа В.В. Морковкина, который мечтал о таком издании: это новый в жанровом и типологическом отношении словарь с претензией на достойный научный уровень, который потребовал от его авторов чрезвычайных затрат умственной энергии, душевных и физических сил. В полной мере эти слова применимы к рецензируемому фразеологическому словарю.

Потребность в таком словаре давно назрела и очевидна. Все филологи (и учителя, и ученики, и вся научная общественность), несомненно, благодарны авторам и создателям «Большого фразеологического словаря русского языка» за уникальную возможность пройти в открытую ими дверь таинственной комнаты культурного кода фразеологии, проникнуть в ее кладовые и в авторском освещении рассмотреть бриллиантовые россыпи красот русского языка. Благодаря этому словарю невидимые сущности культурного кода русской фразеологии становятся видимыми, чувственно воспринимаемыми и обогащающими тезаурус русской языковой личности.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Девкин В.Д. Немецкая лексикография: Учебное пособие для вузов. М., 2005.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
3. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. М., 1997.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
5. Словарь образных выражений русского языка / Г.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др. / Под ред. В.Н. Телия. М., 1995.
6. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / Под ред. И.С. Брилевой, Н.П. Вольской, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных. Вып. 1. М., 2004.
7. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2005.
8. Longman Dictionary of English and Culture. Addison Wesley Longman Limited Edinburgh Gate, Harlow, 1998.
9. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
10. Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках / Под ред. В.Н. Телия. М., 2003.
11. Фразеология в контексте культуры / Под ред. В.Н. Телия. М., 1999.
12. Шаховский В.И. Словная идиоматика как межкультурный феномен // Известия Волг. гос. пед. ун-та. 2002. №1.
13. Шаховский В.И. Эмотивность и лексикография // Филологические науки. 1986. № 6.

УДК 82.085

Н.С. Болотнова

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И.А. ИВАНЧУК «РИТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ НОСИТЕЛЕЙ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ» (СПБ.: СЗАГС; САРАТОВ: НАУЧНАЯ КНИГА, 2005. 431 С.)

Томский государственный педагогический университет

Изменение акцентов исследовательского внимания с изучения *языка* на изучение *речи* и далее – *речевого общения* стимулировало возникновение речеведения как новой интегральной области знания, которая интенсивно развивается в конце XX – начале XXI веков в отечественной и зарубежной лингвистике. Необходимость ее разработки связана с антропоцентризмом современного гуманитарного знания, который определил интерес представителей разных наук к человеку «говорящему» и «слушающему», к проблеме гармонизации общения и понимания. Решение этой не только языковой проблемы приобретает важное государственное значение в условиях значительных социальных изменений, происходящих в современном обществе, переживающем переломный этап своего развития.

В связи с этим особенно важны изучение современного речевого общения носителей разных типов речевых культур и научная разработка комплекса вопросов, связанных с риторическим поведением личности в различных условиях публичного общения. Это определяет безусловную актуальность рецензируемой монографии, посвященной глубокому теоретическому осмыслению современного состояния риторической культуры общества и исследова-

нию риторической компетенции как важного признака носителей элитарной речевой культуры.

Рецензируемая работа затрагивает целый комплекс глобальных ключевых проблем речевого общения, исключительно значимых не только для современной лингвистики, но и для гуманитарного знания в целом. Назовем некоторые из них: языковые изменения в переломные периоды развития общества и факторы, влияющие на этот процесс; динамика в представлении о риторическом идеале носителей языка разных эпох; уровень современного красноречия и перспективы его развития; языковая свобода в вопросах нормализации; изменения в стилистической системе современного русского языка последних десятилетий; тенденции в развитии современной публичной речи и их оценка и т.д.

Хотя эти вопросы в той или иной мере освещались в работах исследователей (О.Б. Сиротининой, В.Е. Гольдина, Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева, Н.И. Формановской, А.П. Сковородникова и многих других), несомненна научная новизна рецензируемой монографии. Она обусловлена глубоким изучением риторических тенденций в современном публичном общении носителей элитарной речевой культуры, выявлением особенностей публичной речи в аспекте синхронии/диахронии, стандарта/экс-